

УДК 821.161.1(история русского романа)+Распутин

КОНЦЕПЦИЯ ЧЕЛОВЕКА В ПОВЕСТИ В.Г.РАСПУТИНА «ПРОЩАНИЕ С МАТЁРОЙ»

2016 Ю.О.Васильева

Васильева Юлия Олеговна, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии и журналистики. E-mail: julia50@yandex.ru

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н.Г.Чернышевского

Статья поступила в редакцию 21.06.2016

Повесть «Прощание с Матерой» представляется нам первым произведением Распутина, в котором наиболее полно отразилась та концепция человека и истории, что проявит себя в позднейших произведениях писателя. На материале указанного текста и публицистических выступлений этого автора раскрывается вопрос о мере человека в динамично меняющемся мире рубежа тысячелетий, рассматривается его отношение к природе и технике, прошлому и настоящему, традиции, законам совести и лозунгам нового, зародившегося в XX столетии государства.

Ключевые слова: Распутин, поэтика, концепция человека, антропологический кризис, мотив памяти, мотив рода, техническая революция.

Валентина Григорьевича Распутина уже при жизни называли классиком русской литературы и совестью нации. Сейчас творчество этого писателя явилось во всей полноте. На наш взгляд, его художественное и публицистическое наследие объединяет мотив беспокойства за судьбу человечества и отдельного человека. Начиная с 70-х гг. одной из основных тем творчества Распутина становится проблема антропологического кризиса, в связи с этим его произведения могут быть рассмотрены в ряду сочинений таких авторов, как Ч.Айтматов, В.Астафьев и др. Перечисленные писатели включаются во многовековой спор о мере человека и дают свои ответы на вечные вопросы.

Полагаем, что повесть «Прощание с Матерой» (1976) – первое произведение Распутина, в котором достаточно полно отразился взгляд писателя на человека, его место в мире, роль в истории, а также те изменения, которые происходят в душах людей под влиянием динамично меняющегося образа жизни. Одна из основных особенностей этого сочинения заключается в том, что бытовая история, связанная с подготовкой острова к затоплению, по мере разворачивания «трансформируется в идеологический и символический (сюжет. – Ю.В.). «Прощание...» – книга об острове, о времени и реке, о земле, воде, огне и воздухе. В деревушке на Ангаре завязываются узлы мировых проблем и конфликтов. Герои постепенно становятся участниками большого «сократического» диалога о последних вопросах бытия» [1, с.227]. Понимание человека, отраженное в

повести об уходящем под воду острове, получит развитие в поздних художественных и публицистических произведениях писателя. Поэтому важно провести анализ концепции человека на материале повести «Прощание с Матерой» (1976), привлекая в качестве дополнительных источников распутинские эссе «Вопросы, вопросы» (1987, 2007), «Сколько будет лет в XXI веке» (1997), беседы с писателем В.Кожемяко, вошедшие в книгу «Эти двадцать убийственных лет» (2011).

Исследователи «Прощания с Матёрой» уже обращали внимание на особенности хронотопа острова в мировой литературе: «в восточно-христи-анской культуре остров по-прежнему выступает хранителем прежде всего духовных сокровищ, а всяческий прогресс – это удел как раз большой земли, жестко противопоставляемой святому острову» [2, с.39]. В XX в. такое противостояние доходит до крайней степени из-за невероятных темпов технического прогресса («изменения ныне свершаются столь стремительно и энергия этих изменений вобрала такую массу, что аналогии с прошлым <...> как правило, не годятся» [3, с.832]. Уже в середине XX в. человек получил технические возможности для перераспределения участков суши и воды. Только имеют ли люди этическое право на подобные решения и какие процессы могут последовать, если человек возьмется распоряжаться судьбой огромных хорошо обжитых территорий, к которым относилась, в частности, Матера?

Исследователи повести говорили о трех точках зрения на эти вопросы, принадлежащих представителям разных поколений семьи Пинигиных – Дарьи, Павла и Андрея. Для нас важно проанализировать, как названные герои воспринимают человека, смысл его жизни, роль в истории.

Пожалуй, желание почувствовать собственную значимость в историческом процессе отчетливее всего выражает Андрей, представитель младшего поколения («я хочу, чтоб было видно мою работу, чтоб она навечно осталась» [4]). Ради истории, ради, как кажется горячему юноше, всеобщего блага он готов пожертвовать и малой родиной. Отметим, что остров остается ему дорог («жалко Матеру, и мне тоже жалко, она нам родная...» [4, с.369]; «я тут восемнадцать лет прожил. Родился тут. Пускай бы стояла» [4, с.380]). Однако, будучи уверенным в том, что «Матера на электричество пойдет» и это принесет пользу всей стране, молодой человек не сомневается в целесообразности решения о затоплении [4, с.366].

Андрей видит свое предназначение в том, чтобы быть, как он говорит, «на переднем краю» – на тех стройках, к которым приковано внимание, которые могут войти в историю, а значит, как ему кажется, изменить жизнь людей к лучшему. Он надеется, что именно это позволит ему почувствовать значимость собственной жизни.

При этом в повести раскрывается опасность постоянного нахождения на «переднем краю». Люди, бросаемые с одной «стратегической» стройки на другую, стремятся как можно быстрее выполнить поставленные задачи, не заботясь о качестве работы. Они не задаются вопросами о последствиях своей деятельности, словно надеясь, что за них обо всем подумали другие. Это проявляется сразу в нескольких сценах. В.Распутин упоминает, что в подпольях новых городских домов стоит вода, словно в колодцах («допрежь лопатой в землю не ткнули» [4, с.391], как комментирует Дарья). Значимо и то, как готовят к затоплению Матеру. На первый взгляд, для сбора урожая прислали массу людей (то есть в нем видят важную задачу), но при этом «за центнерами не гнались <...> чего ж было на приговоренных затопляемых пашнях подбирать колоски или выколупывать всю до единой картошку?» [4, с.429–430]. Не на себя работает и бригада, которая готовит остров к затоплению. Так, рабочий, безрезультатно поджегший царский листвень в первый день, предлагает «плюнуть на

него», подкрепляя это доводом: «к чему нам дочиста все соскребать!» [4, с.448]. Бригадир не соглашается, но аргумент у него один: «здоровый, зараза! Не примут» [4, с.449]. Очевидно, что «пожогщикам» безразлично, каким будет будущее дно Ангары – они стремятся лишь к тому, чтобы у них приняли работу. Таким образом, труд «на переднем краю» может незаметно обернуться погоней за галочкой.

Опасно и то, что работники «переднего края» порой незаметно для самих себя перекалывают ответственность на других. Так, Андрей не хочет даже задумываться о том, действительно ли нужна ГЭС, ради строительства которой воду пускают на многие хорошо обжитые земли: «И ГЭС строят... наверное, подумали, что к чему, а не с бухты-барахты. Значит, сейчас, вот сейчас, а не вчера, не позавчера, это сильно надо. Значит, самое нужное» [4, с.369]. Эти размышления достаточно логичны, однако юноша не учитывает, что просчеты тех, кто подумал за него, могут привести к катастрофе – фактически он перекалывает ответственность на чужие плечи. Осмысливая плоды «безжалостного прогресса» в статьях, Распутин отметит: многие беды происходят как раз потому, что «от человека разумного до человека ответственного, как выяснилось, дистанция не меньшего размера, чем от прежнего видового «класса» до настоящего» [3, 836]. Сложность в том, что времени на подобный путь просто нет – он должен был быть пройден до тех пор, пока человек получил возможность определять будущее своей планеты. Теперь же «предостережительные возможности человеческих голосов, давно взявших последнюю ноту, исчерпаны, страх перестал быть удерживающим фактором и превратился в обыденность» [3, с.638].

В повести встает вопрос и о границах человеческого развития и знания, которое пойдет ему во благо. Отметим, что оборотная сторона беспредельного прогресса открывается даже Андрею, герою, горячо поддерживающему технические преобразования. Так, в ответ на реплику Дарьи о том, что человек бы «не суетился», если бы знал время своего последнего часа, внук начинает рассуждать и понимает: в соответствии с такими знаниями люди могли бы жениться или оставаться одиночками, их могли бы принимать на работу или отказывать им в этом. Юноше открывается антиутопичность подобного положения: «Нет, бабушка, не надо, – поморщившись, задумчиво отказался он, – не надо. Пускай будет как есть» [4, с.389]. Таким образом, даже Андрей,

столь горячо приветствующий достижения прогресса, неожиданно для самого себя приходит к выводу, что безграничные возможности могут навредить человеку.

Опасность позиции Андрея состоит в том, что он не задается вопросом, ценна ли его жизнь сама по себе или он мог бы оказаться вытесненным с любого «переднего края» более подходящим в данный момент человеком или даже механизмом. Подобную тревогу выражает Дарья: «Машины на вас работают. Но-но. Давно уж не оне на вас, а вы на их работаете» [4, с.391–392]. Героиня предупреждает, что Матера вряд ли останется единственной жертвой, принесенной прогрессу: «Одну бы только Матеру?! Схапает, пофырчит и ишо сильней того затребует» [4, с.393].

Для Дарьи очевидно противоречие, заключающееся в том, что уже сейчас человек с помощью техники стремится стать больше себя самого, однако в итоге лишь отдает свое здоровье и жизнь. С. Семенова, анализируя спор бабушки с внуком, сравнивает технический прогресс с языческим молохом. Исследователь подчеркивает, что «Дарья точно схватывает противоречия прогресса, односторонне направленного на технический путь, забывающего о необходимости «органического» усовершенствования самой физической природы человека» [5, с.122]. Распутинская героиня замечает, что новые технические возможности могут привести даже к ослаблению человека: «Щас все бегом. И на работу, и за стол – никуда время нету. Это че на белом свете дется! Ребятенка и того бегом рожают. А он, ребяенок, не успел родиться, ишо на ноги не встал, одного слова не сказал, а уж запыхался... Я на отца твоего погляжу. Рази он до моих годов дотянет?» [4, с.392]. Очень горько звучит произнесенное распутинской старухой в этом эпизоде «уж не до себя, не до человека... себя вы и вовсе скоро растеряете по дороге» [4, с.392]. И.Панкеев, анализируя спор Андрея и Дарьи в 14 главе повести, приходит к выводу, что у героев повести две разные веры: «у Дарьи – в человека, а у Андрея – в то, что человек создал. Им не дано пересячься – разные уровни: первичного и вторичного» [6, с. 101]. Таким образом, значимость человеческой жизни, воспринятая Андреем, оказывается иллюзорной – такие энтузиасты, как он, далеко не всегда делают лучше мир вокруг себя, они лишь временно используются в общей системе в качестве обезличенных инструментов. В этой обезличенности отчетливо заметна черта современного антропологического кризиса.

Вопросом о том, делает ли технический прогресс человека счастливее, задается и Павел. Он работает на машинах, постепенно привыкает к комфорту городской жизни, но при этом чувствует, что блага цивилизации не приносят ему радости. «Что и говорить – жизнь настала облегченная <...> Только при этой облегченности и себя чувствуешь как-то не во весь рост, без твердости и надежности, будто любому дурному ветру ничего не стоит подхватить тебя и сорвать» [4, с.343]. Павел в этой «облегченной жизни» не ощущает своей значимости, многое для него теряет прежний смысл: «...какая-то противная неуверенность точит: ты это или не ты? А если не ты, как ты здесь оказался?» [4, с.343]. Сомнение в возможности угадать и тем более исполнить свое предназначение, потеря смысла жизни оказываются очень томительными для человека.

Павел чувствует себя неудобно в квартире со всеми удобствами. Он удивляется, насколько быстро привыкла к ним его жена, которая раньше тоже «красивой жизни не нюхала» [4, с.343]. Сын Дарьи понимает, что сам сможет рано или поздно приспособиться к новому образу жизни. В то же время он осознает, что мать, в отличие от него, адаптироваться после переезда уже не сможет: «Привезут ее – забьется в закуток и не вылезет, пока окончательно не засохнет. Ей эти перемены не по силам» [4, с.343].

Таким образом, наблюдается парадоксальное явление: прогресс, который должен был сделать человеческую жизнь проще, комфортнее и, вероятно, счастливее, оборачивается тяжелой адаптацией к новым условиям для одних людей и безысходностью для других. На наш взгляд, это связано как раз с тем, что в условиях технического прогресса обесценивается человеческая личность. Более того, человек не успевает в своем развитии за техникой, ведь, как мы уже показали, внутренне (психологически, духовно) он не меняется. В публицистике В.Распутина появляется термин «человеческий разрыв», под которым понимается «неспособность человека при существующей системе образования угнаться за структурными и качественными изменениями жизни» [3, с.838]. На наш взгляд, дело здесь не столько в образовании, сколько в природе человека, его изначальной неспособности освоить безграничное количество информации. Писатель рассматривает один из фантастических способов решения этого вопроса – создание homo electronicus, снабженного особым мозгом, компьютерной памятью. Однако далее идут традиционные для философов вопросы – будут ли у

этого человека совесть, чувство долга, способность любить и сочувствовать, отличающие человека от животного? Если homo electronicus не будет способен на эти чувства, станет ли создание подобного существа шагом вперед или, напротив, приблизит человека к животному?

В повести встает вопрос и о том, не потеряет ли человек ощущения собственной значимости, если его функции будут выполняться техническими средствами. Так, Дарья размышляет о том, что если раньше пожилые люди могли помочь по хозяйству, то теперь в городе и поселках многое автоматизировано, бытовые нормы жизни в корне изменены (например, хлеб и овощи привозят в магазин, за водой ходить не надо, плита зажигается одним поворотом ручки). Даже рассказы умудренных жизнью людей стали не нужны: все описано в книгах, «песни запоминают по радио» [3, с.299]. Наиболее трагично из уст Дарьи звучит сравнение умирающего человека и погибающего дерева: «Дерево еще туда-сюда, оно упадет, сгниет и пойдет земле на удобрение. А человек? Годится ли он хоть для этого?» [3, с.299].

Тем не менее, Дарья прожила свой век с осознанием своего долга: она чувствует себя частью своего рода и, шире, частью человечества. Отец завещал ей жить ради предков, ради связи прошлых и будущих поколений: «В горе, в зле будешь купаться, из сил выбьешься, к нам захочешь – нет, живи, шевелись, чтобы покрепче зацепить нас с белым светом, зацепить в ем, что мы были» [3, с. 288.]. Такое ощущение включенности распутинской героини в цепь поколений комментировала С.Семенова: «Ты – не просто человек, творящий себя с нуля, или которого с того же нуля формирует жизнь, ты – сын или дочь, большая часть тебя уходит в прошлое, в предков, они дали тебе все» [5, с. 114].

Дарья чувствует личную ответственность перед теми, кто жил до нее. Мотив долга перед родом проходит через всю повесть. Осмысляя разорение кладбища, женщина приходит к выводу, что именно ей, как представителю поколения, живущему во время подобных эсхатологических перемен, держать ответ за все происходящее: «Спросют (деды и прадеды. – Ю.В.): как допустила такое хальство, куды смотрела? На тебя, скажут, понадеялись, а ты? А мне и ответ держать нечем. Я ж тут была, на мне лежало доглядывать. И что водой зальет, навроде тоже как я виноватая. И что наособицу лягу» (288). В разговоре с Андреем Дарья уверенно говорит, что ныне жи-

вущие люди ответственны за Матеру, причем как перед уже ушедшими поколениями, так и перед еще не родившимися: «Эта земля-то всем принадлежит – кто до нас был и кто после нас придет. Мы тут в самой малой доле на ей <...> и нам Матёру на подержание только дали... чтоб обихаживали мы ее с пользой и от ее кормились... Вам ее старшие поручили, чтобы вы жисть прожили и младшим передали. Оне ить с вас спросят» [4, с.380]. Именно поэтому разорение кладбища и затопление островов на Ангаре представляется героине непростительным преступлением.

Во время прощания с кладбищем Дарья представляет себе встречу с представителями своего рода: «Ей представилось, как потом, когда она сойдет отсюда в свой род, соберется на суд много-много людей – там будут и отец с матерью, и деда, и прадеды – все, кто прошел свой черед до нее <...> Она слышит голоса и понимает, о чем они, хоть слова звучат и неразборчиво, но самой ей сказать в ответ нечего <...> голоса все громче, все нетерпеливей и яростней...» [4, с.441]. Наиболее остро Дарья чувствует свою вину перед похороненным на материнском кладбище сыном. Распутинской старухе кажется, что именно она, упокоившись после смерти вместе со своими родными, должна была связать его с представителями старшего поколения, иначе «он там, христовенький, так и будет маяться на этом поселенье без связки со своим родом-племенем» [4, с.442].

Во время прощания с кладбищем Дарья вновь мучается вечными вопросами: «И кто знает правду о человеке, зачем он живет? Ради жизни самой, ради детей, чтобы дети оставили детей или ради чего-то еще?» [4, с.442]. Ответ или, по крайней мере, его часть, открывается героине «Прощания с Матерой»: «Правда в памяти. У кого нет памяти, у того нет и жизни» [4, с.443].

В повести встает проблема, ответственен ли человек за бесчестные поступки младших представителей своего рода. Так, Катерина, простив сыну поджог своей избы, не может принять того, что он согласился жечь чужие. «Ить он и на меня позор кладет. И в меня будут пальцем тыкать» [4, с.419], – жалуется она Дарье. Главная героиня повести успокаивает подругу словами «то тебя и не знают» [4, с.419], однако после этого разговора мысли о теснейшей связи людей не дают ей покоя. Она понимает, ей повезло в том, что «не надо стыдиться за своих детей», а если бы она оказалась на месте Катерины или Симы, тоже

мучилась бы тяжестью чужой вины. «Как мало, выходит, в человеке своего, данного ему от рождения, и сколько в нем от судьбы, от того, куда он на сегодняшний день приехал и что с собой привез» [4, с.421]. Получается, что судьба для В.Распутина и состоит во включенности каждого в родовую цепочку и, шире, в человечество в целом (неслучайно Матера в повести ассоциируется со всей землей, а судьба жителей острова проецируется на исход всей человеческой цивилизации).

Таким образом, афоризм Дарьи «правда в памяти» сводится к тому, что человек может почувствовать себя в полной мере человеком только при условии осознания своей включенности в родовую цепь поколений. В то же время ощущение этой полноты лишь отдельными людьми носит трагедийный оттенок, так как они ощущают личную ответственность за все происходящее, но изменить направление развития цивилизации зачастую не могут, как не может Дарья остановить затопление Матеры. Изменить ситуацию способно лишь всеобщее осознание личного долга перед родом и человечеством, что в контексте распутинской повести выглядит утопичным. Новое поколение не живет по законам памяти, словно опасаясь, что заветы предков помешают набирающему новые и новые темпы техническому развитию. Отметим, что обеспокоенность антропологическим кризисом в публицистике В.Распутина ничуть не меньше, чем в художественном наследии, однако вера в человека не по-

кидает писателя: «Человек никогда не был в ладах с собой, но уж коль доведет его судьба до последнего, до – быть или не быть ему, он сделает в конце концов правильный выбор» [3, с. 842].

На наш взгляд, заслуга Распутина-художника в том, что он обнажает кризисный момент в истории человечества. Написанные после «Прощания...» произведения во многом примыкают к этой повести тематически и идейно. Основная беда многих героев «Пожара» в том, что они не чувствуют укорененности, для них не существует ничего *своего* (в том значении, в котором своим был остров для Дарьи). В повести 1985 года само понятие об аморальном поступке становится качественно иным. Для обитателей Матеры нравственной проверкой является отношение к санитарной уборке острова: герои размышляют, вправе ли они поджигать свои и чужие избы, которые так и так уйдут под воду. А жители Соновки сталкиваются с огнем – бедствием, которое раньше не представляло повода для сомнений, тушить пожар спешили всем миром. Теперь находятся те, кто ворует в критической ситуации, более того, идет на поджог складов ради собственного обогащения. Процесс обесценивания человеческой жизни, фиксируемый Распутиным, набирает обороты и достигает максимума в повести «Дочь Ивана, мать Ивана», в которой поставлена под сомнение возможность человека защитить честь и достоинство законным путем.

1. Сухих, И. Однажды была земля (1976. «Прощание с Матерой» В.Распутина) // Звезда. 2002. №2. С. 227.
2. Бражников, И. Эсхатологический хронотоп в повести Валентина Распутина «Прощание с Матерой» // Творчество В.Г.Распутина в социокультурном и эстетическом контексте эпохи: коллективная монография. М., Прометей, 2015. 243 с.
3. Распутин, В. У нас остается Россия: очерки, эссе, статьи, выступления. М., Изд-во Ин-т русской цивилизации. 2015. 1200 с. В дальнейшем страница приводится по этому изданию в тексте в скобках.
4. Распутин, В. Прощание с Матерой. Повести. Рассказы. М., Изд-во «Сапронов», 2012. 653 с. В дальнейшем страница приводится по этому изданию в тексте в скобках.
5. Семенова, С. Валентин Распутин. М., Советская Россия, 1987. 176 с.
6. Панкеев, И. Валентин Распутин (По страницам произведений). М., Просвещение, 1990. 144 с.

THE CONCEPT OF HUMAN IN V.RASPUTIN'S NOVEL "FAREWELL TO MATYORA"

© 2016 Yu.O.Vasilieva

*Yulia Olegovna Vasilieva, a post-graduated student of the Department of Russian and Foreign Literature.
Institute of Philology and Journalism. E-mail: julia50@yandex.ru*

National Research Saratov State University named after N.G.Chernyshevsky

The novel «Farewell to Matyora» is the first work of Rasputin, which fully reflects the conception of a human and history that will manifest itself in the later works of the writer. The question of the value of a human in the dynamically changing world in the turn of the Millennium is revealed on the basis of the following material: the represented text and journalists' speeches of the writer. His relation to the nature and technology, past and pre-

sent, traditions and laws of conscience and slogans of new State that was born in the twentieth century are reviewed.

Key words: Rasputin, poetics, concept of human, anthropological crisis, memory motive, generation motive, technical revolution.

1. Sukhikh, I. Odnazhdy byla zemlia (1976. «Proshchanie s Materoi» V.Rasputina) (Once there was the land (1976. "Farewell to Matyora" of V. Rasputin)) // Zvezda. 2002. №2. S. 226 – 235.
2. Brazhnikov, I. Eskhatologicheskii khronotop v povesti Valentina Rasputina «Proshchanie s Materoi» (Eschatological chronotope in Valentin Rasputin's story "Farewell to Matyora") // Tvorchestvo V.G.Rasputina v sotsiokul'turnom i esteticheskom kontekste epokhi: kollektivnaia monografiia. M., Prometei, 2015. 243 s.
3. Rasputin, V. U nas ostaetsia Rossiia: ocherki, esse, stat'i, vystupleniia (We have Russia: sketches, essay, articles, speeches). M., Izd-vo In-t russkoi tsivili-zatsii. 2015. 1200 s. V dal'neishem stranitsa privoditsia po etomu izdaniuu v tekste v skobkakh.
4. Rasputin, V. Proshchanie s Materoi. Povesti. Rasskazy (Farewell to Matyora. Short novels. Stories). M., Izd-vo «Sapronov», 2012. 653 s. V dal'neishem stranitsa privoditsia po etomu izdaniuu v tekste v skobkakh.
5. Semenova, S. Valentin Rasputin (Valentin Rasputin). M., Sovetskaia Rossiia, 1987. 176 s.
6. Pankeev, I. Valentin Rasputin (Po stranitsam proizvedenii) (Valentin Rasputin (According to pages of works)). M., Prosveshchenie, 1990. 144 s.